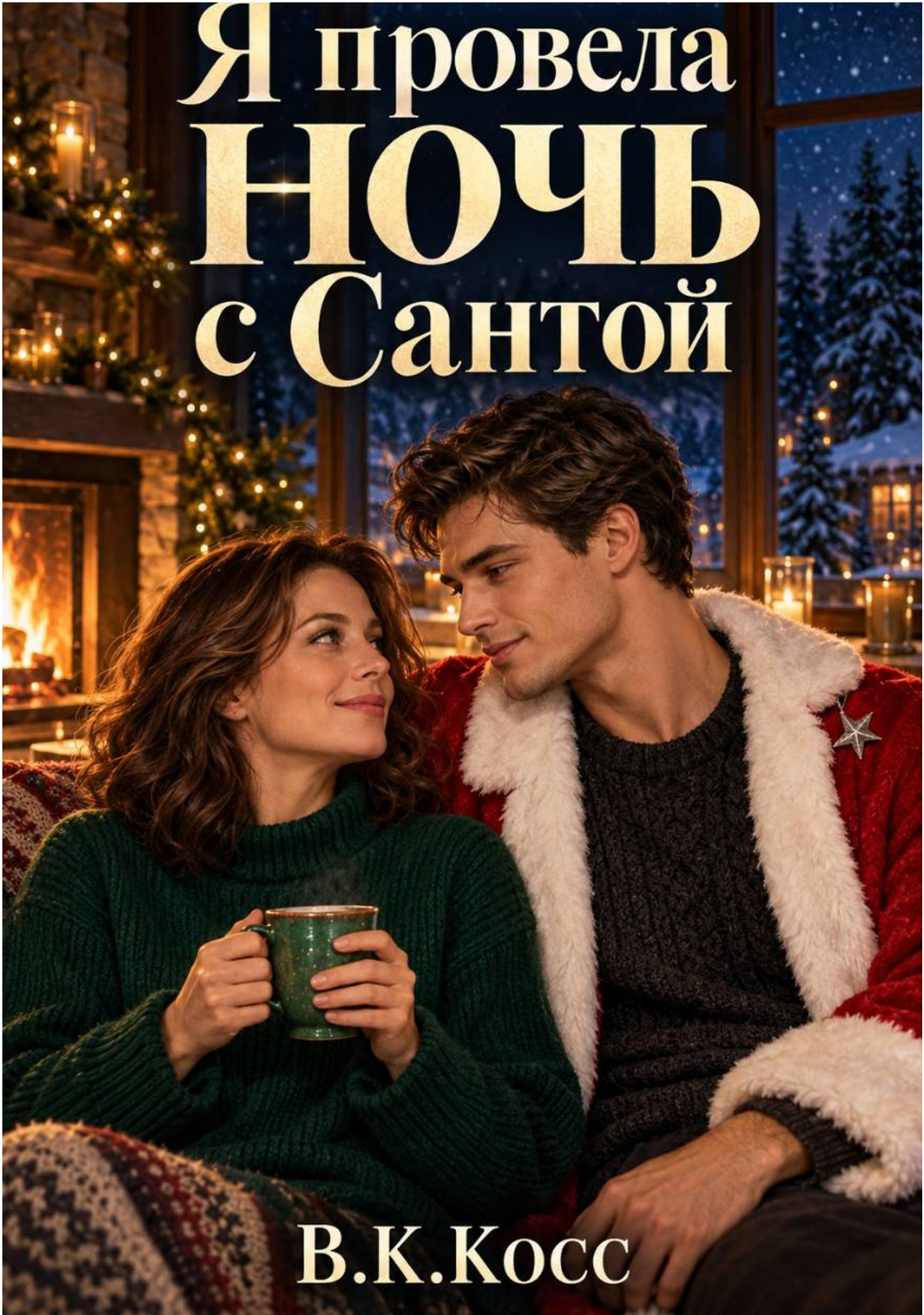
Я провела НОЧЬ с Сантой



В.К.Косс

В.К. Косс

Я провела ночь с Сантой

«Автор»
2026

Косс В.

Я провела ночь с Сантой / В. Косс — «Автор», 2026

После развода тридцатидевятилетняя Елена едет в загородный отель: впервые за много лет праздники должны пройти так, как хочется ей самой. Два бокала вина, неловкая шутка — и знакомство с молодым аниматором в костюме Санты. Разговор у камина затягивается до рассвета, а вместе с ним возвращается давно забытое желание кому-то доверять.Елене кажется, что всё закончится после каникул. Но Артём остаётся рядом и в обычном городе, среди рабочих звонков, мокрого снега и маленьких домашних забот. Она решается открыть керамическую мастерскую, он получает работу в другом городе. Теперь им предстоит понять, как быть вместе, когда у каждого есть собственные планы, страхи и привычка защищаться раньше, чем станет больно.

© Косс В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Место у окна 5
Глава 2. Неправильный адресат 8
Глава 3. До первого автобуса 11
Глава 4. Утреннее имя 15
Глава 5. Глина на ладонях 18
Глава 6. Правила маленького праздника 22
Глава 7. Шесть неровных звёзд 26
Конец ознакомительного фрагмента. 29

В.К. Косс
Я провела ночь с Сантой

Глава 1. Место у окна

В подтверждении бронирования было написано: «Один взрослый». Я прочитала это ещё раз, прежде чем убрать телефон. В обычной жизни мне редко требовалось доказывать, что я взрослая. Я подписывала отчёты, меняла зимнюю резину и знала, в какую сторону перекрывается вода под кухонной раковиной. Но эта гостиничная строка почему-то звучала как небольшое поручительство.

На парковке за вокзалом стоял микроавтобус с табличкой «Сосновый берег». Водитель проверял фамилии. Передо мной семейная пара никак не могла решить, куда положить пакет с мандаринами. Муж предлагал в багаж, жена объясняла, что там они помнутся. Я невольно приготовилась подсказать место под сиденьем и вовремя прикусила язык. Мандарины были чужие.

— Соколова, — сказала я.

Водитель нашёл меня в списке.

— Одна?

— Да.

Он взял мой чемодан без сочувственного выражения лица, которого я почему-то ждала. Закинул рядом с чужими лыжами и открыл дверь.

Я выбрала место у окна. Ни с кем не посоветовалась, не оставила более удобное сиденье человеку с длинными ногами, не проверила, хорошо ли видно дорогу с соседнего. Поставила на колени сумку. В ней лежала зелёная керамическая чашка, завёрнутая в футболку, и пакет самозатвердевающей глины. Остальным постояльцам, наверное, хватило бы купальника для бассейна. Мне хотелось иметь под рукой что-нибудь, из чего можно сделать вещь.

Чашку я слепила пять лет назад. У неё была слишком широкая ручка и пятнышко нерастёкшейся глазури возле донышка. Моя преподавательница называла такие пятнышки следами характера. Игорь называл браком. Мы оба могли быть правы в пределах своих занятий: он проектировал металлические конструкции, я училась делать посуду, которую хотелось брать в руки.

Телефон завибрировал.

Марина прислала фотографию праздничной шапочки на мониторе в ветеринарной клинике: «Наш главный врач вошёл в декабрь. Ты уже едешь?»

«Села».

«Куда?»

«В автобус. За что-нибудь другое пока не брали».

Подруга ответила смеющимся голосовым сообщением. Я не стала включать его на весь салон, приложила телефон к уху.

— Лена, отдыхай. Отчётность закрыта, кошка у тебя не заведена, цветы политы. Тебе разрешается не быть полезной хотя бы до завтра. И присылай вид из окна. Я хочу знать, за что мы заплатили.

Заплатила, конечно, я. Но Марина участвовала в выборе отеля с такой решительностью, будто покупала нам обеим путёвку в новую жизнь. Она же удержала меня от звонка с вопросом, нельзя ли вернуть деньги. За неделю до отъезда мне вдруг показалось, что сидеть одной в загородном отеле будет глупее, чем сидеть одной дома.

— Дома ты ещё и окна помоешь, — сказала она тогда. — Найдёшь у себя недостаточно декабрьского света. Езжай.

Мы выехали из Твери. За стеклом потянулись складские заборы, шиномонтаж, пустое поле. Город оставался позади без всякого торжественного чувства. Я успела вспомнить, что не вынесла мусор, и тут же проверила себя: вынесла. Это был очень маленький, но уже отпуск.

В апреле мы с Игорем получили свидетельства о разводе. К декабрю большая часть знакомых привыкла к этому раньше меня. Никто больше не делал осторожную паузу перед вопросом о выходных. На работе мне вернули девичью фамилию в документах. Новый пропуск получился почти таким же, как старый, только фотографию пришлось переснять: пятнадцать лет брака в пластиковую карточку не помещались.

Я не могла сказать, что все эти годы была несчастна. Мы ездили на море, вместе пережили его операцию на колене, смеялись над одними фильмами. Умели покупать продукты без списка. А потом в нашей квартире поселилось такое плотное удобство, что для разговоров перестало оставаться места. К моменту, когда я попросила его меня выслушать, мы уже спорили главным образом о том, кто лучше помнит предыдущий спор.

Я посмотрела на свои руки. На большом пальце оставалась узкая сухая полоска возле ногтя: вчера вечером я переделывала ручку маленького кувшина. Могла бы кремом намазать. Вместо этого убрала ладони в карманы куртки.

За соседним сиденьем мальчик спросил, когда начнётся лес. Мама предложила считать красные машины. Он отказался, потому что в автобусе его укачивало от счёта. Впервые слышала такую причину и немедленно прониклась уважением.

Лес начался через сорок минут. Ветки висели низко, снег на обочине был серым только возле самой дороги. Дальше всё становилось ровным и тихим. У въезда в отель автобус притормозил перед деревянной аркой. На ней мерцали маленькие лампочки. Одна гирлянда провисла, и сотрудник в серой шапке пытался поправить её длинной щёткой.

В холле пахло хвоей, кофе и мокрыми шарфами. Администратор Ольга выдала мне ключ-карту, показала на схеме столовую и корпус, объяснила, как записаться в бассейн. Я внимательно слушала: понимать правила было моим любимым способом успокоиться.

— Завтрак с восьми до одиннадцати. Сегодня в семь — знакомство с праздничной программой, музыка, небольшой фуршет. Приходите, если захотите.

Она подчеркнула на листке время. Я спросила, обязательна ли предварительная запись.

— Нет. Просто приходите.

У окна рядом с ёлкой раздался сердитый детский голос:

— Я не хочу другую. У моей ракета!

Мальчик лет шести стоял в расстёгнутом комбинезоне и держал одну варежку. Его отец перебирал содержимое рюкзака, мама зажимала под мышкой лыжный ботинок. Молодой сотрудник в тёмной толстовке присел перед мальчиком на корточки.

— Ракета с пассажирами или грузовая?

— С пассажирами.

— Тогда ей нужен зал ожидания. Давай проверим, не припарковалась ли она возле дивана.

Он не стал хватать ребёнка за руку, просто показал на диван. Мальчик пошёл рядом, всё ещё сердитый, но уже с делом. Через минуту варежка нашлась между подушками. Молодой человек отряхнул её, выслушал подробности полёта и только после этого выпрямился. На его рукаве белела полоска скотча. Он заметил её и попытался незаметно отлепить зубами.

Я отвела глаза, чтобы не смущать. Почему-то это усилие — сначала поговорить с ребёнком, потом заняться прилипшим скотчем — показалось мне гораздо убедительнее гостиничных улыбок.

Мой номер находился на втором этаже. Я положила чемодан на скамью, прошла к окну и отправила Марине фотографию сосен. В кадр попал край зелёного мусорного контейнера.

«Сосны красивые. Контейнер тоже будет отдыхать с тобой?»

Я передвинулась и сфотографировала снова.

Номер был обычный: широкая кровать, два стакана, стол, кресло, маленький электрический чайник. Я автоматически проверила дверцу шкафа и розетку возле кровати. Измерять удобство для двоих оказалось привычкой, которую никакое свидетельство сразу не отменяло.

Я достала чашку. Поставила её на стол и почувствовала себя немного нелепой: в гостинице, разумеется, имелась собственная посуда. Потом налила воду в чайник. Чашка была моей, и объяснять это здесь никому не требовалось.

Мама позвонила, пока я распаковывала свитер.

— Доехала? Номер тёплый? Там люди нормальные?

На первые два вопроса ответить было легко.

— На людей пока только посмотрела. Вроде ничего.

— Ты хотя бы на ужин сходи. Не сиди одна.

Я присела на край кровати. В её тревоге слышалась такая знакомая забота, что сразу стало труднее спокойно защищать своё право на семь ночей за городом.

— Схожу, мам. Я поэтому и приехала.

Мы поговорили о скользком дворе в Ржеве и о том, что сосед снова оставил машину у мусорных баков. Это было гораздо проще, чем обсуждать моё счастье. Перед прощанием мама попросила написать после ужина. Я пообещала.

До вечера оставалось два часа. Можно было лечь. Можно было включить телевизор и обнаружить, что в загородном номере показывают ровно те же передачи. Я надела ботинки, спустилась и пошла по дорожке между корпусами.

Лыжня уходила в лес. На береговой тропе висела табличка, запрещавшая выходить на лёд. Я дошла до неё, постояла, слушая, как снег ссыпается с ветки на капюшон, и повернула обратно. Никто не торопил меня, не спрашивал, зачем было идти всего на двадцать минут. В этом свободном времени поначалу было даже неуютно.

В номере я разложила одежду для вечера: джинсы, тёмную блузку, серьги. Серьги оказались слишком нарядными для ужина и недостаточно нарядными для решения изменить жизнь. Я всё-таки надела их. Потом долго не могла застегнуть левую.

На телефоне появилось сообщение от Игоря: «После праздников надо будет решить с коробками на антресоли. Там, кажется, твои формы».

Я набрала «хорошо», стёрла и написала: «Вернусь четвёртого. После этого договоримся».

В семь без десяти я взяла ключ-карту. Проверила, что дверь закрылась, и пошла по коридору на звук музыки. Внизу кто-то смеялся так громко и свободно, словно уже знал всех собравшихся. Я решила, что для начала вполне достаточно просто спуститься.

Глава 2. Неправильный адресат

У входа в зал мне предложили выбрать бумажный браслет. Синий означал участие в конкурсах, серебристый — только танцы, зелёный — «посмотрим по обстоятельствам». Я взяла зелёный. Сотрудница улыбнулась так, будто это был самый популярный ответ взрослых людей.

За небольшими столами сидели семьи, пары и компании. В углу официант наливал вино. Я взяла бокал белого и тарелку с рыбой, потому что ещё в автобусе пообещала себе не заменять ужин праздничным настроением.

— Здесь свободно? — спросила женщина в красном жакете.

Я убрала сумочку с соседнего стула.

Женщину звали Нина, её мужа — Борис. Они приехали на три дня, пока дочь с внуками отдыхала в другом месте. Борис сразу объяснил, что выбрал отель из-за бани, а Нина добавила, что в бане он уже был и теперь ему предстоит составить ей общество.

— Вы с кем? — спросила она.

— С собой.

Ответ вышел бодрее, чем я рассчитывала. Я приготовилась к обычному «и правильно», после которого часто начинались вопросы, но Нина только кивнула:

— Тогда хоть делить пульт не придётся. Мы вчера до половины первого выясняли, что интереснее — рыбалка или старый концерт.

— Рыбалка, — сказал Борис, не отрываясь от канапе.

— Видите? Спор продолжается.

Я рассмеялась и сделала первый глоток. Вино было прохладным и довольно кислым. После второго глотка кислота перестала мешать.

Ведущий Павел пригласил всех познакомиться с программой. Он говорил в микрофон с профессиональной уверенностью человека, умеющего вовремя прекратить собственную шутку. В центре зала появились две девушки с лентами, затем из боковой двери вышел Санта.

Его красный костюм был явно рассчитан на более объёмного человека. Из-под накладной бороды виднелись светлая кожа и губы, а на плече болталась серебристая бумажная звезда. Я узнала молодого сотрудника из холла по тому, как он слушал мальчика, который выбежал к нему со стула: слегка наклонив голову, не пытаясь сразу ответить за двоих.

— Докладываю, — произнёс Санта в микрофон, — с подарками ситуация рабочая. С обещаниями вести себя хорошо — сложнее. Особенно у взрослых.

Борис положил вилку. Нина взглянула на него с удовольствием.

Нас не заставляли немедленно изображать снежинки. Сначала предложили написать на карточках то, что хочется оставить в уходящем году. Карточки собирали в картонный чемодан. Я смотрела на чистый прямоугольник бумаги и думала, что список получится длиннее предусмотренного места.

В конце концов написала: «Привычку отвечать сразу».

Нина вывела крупными буквами «ремонт». Борис показал мне свою карточку: «Разговоры о ремонте». Они с явным удовольствием сложили обе в чемодан.

Потом музыка стала громче. Я сходила за горячим, вернулась и почти целый час чувствовала себя совершенно обычной участницей ужина. Никто не знал о моём разводе. Не спрашивал, как я держусь. У Нины запотели очки, у Бориса закончился хлеб. Всё это было понятно и не требовало внутренней подготовки.

Второй бокал я взяла после еды. С первым у меня ушло столько времени, что официант спросил, не заменить ли его холодным. Я отказалась: посчитала почему-то, что не заслужила дополнительных хлопот. По дороге к столу увидела свободное кресло возле окна и села там с бокалом. Нина ушла танцевать, Борис наблюдал за ней с видом театрального критика.

Санта появился рядом через несколько минут. Бороду он держал в руке. Без неё лицо оказалось совсем молодым, хотя и не мальчишеским. Я помнила его в холле и решила, что он такой же гость, просто участвовал в программе.

— Наконец-то сняли, — сказала я. — У меня от одного вида этой бороды нос зачесался.

— Она мстит всем по очереди.

Он прислонился к подоконнику, осторожно расправляя резинку. На красном рукаве виднелась нитка, зацепившаяся за липучку.

— Вас тоже уговорили выступать?

— Можно и так сказать.

— Меня пока только спрашивают, с кем я приехала. Если в следующем конкурсе будут семейные пары, планирую спрятаться за фикусом.

Он посмотрел в угол.

— За этим не выйдет. Его видно насквозь.

— Прекрасно. Значит, этот год всё-таки намерен добить меня отсутствием нормальной растительности.

Он засмеялся, и мне понравилось, что смех появился не сразу. Сначала он будто проверил, действительно ли я шучу.

— Тяжёлый год?

— Разнообразный. Развелась, переехала, купила шуруповёрт. В результате лучше всего понимаю шуруповёрт. У него хотя бы написано, куда нажимать.

Слова выскочили прежде, чем я успела оценить уместность признания незнакомому человеку. Вино создавало ощущение, будто откровенность весит меньше обычного. Я поставила бокал на подоконник и отодвинула от края.

— А вы? — спросила я. — Что у вас хорошего? Только не говорите, что четыре семейных путешествия и новая веранда. Я сегодня плохо переношу чужие веранды.

— Четырёх точно не было.

— И на том спасибо.

Мы улыбнулись друг другу, и тут девушка с лентами подошла к нему со стороны сцены.

— Артём, Павел просит ещё десять минут с малышами. Потом финальный выход, и свободен.

Я посмотрела на неё, затем на красный костюм. Вдруг стало ясно, что фраза «меня уговорили» имела вполне определённое служебное значение.

— Вы работаете, — сказала я.

— Бывает.

— А я тут…

Мне захотелось забрать обратно весь рассказ, аккуратно сложить его в картонный чемодан и вынести в коридор. Получалось, что я пожаловалась человеку, обязанному вежливо улыбаться постояльцам.

— Вы мне не помешали, — сказал он без поспешной любезности. — Лиза, я сейчас.

Девушка кивнула и вернулась к сцене.

Я попыталась сказать что-нибудь подходящее. Благодарность за работу прозвучала бы как завершение отзыва на сайте. Извинение — как просьба немедленно утешить меня. Поэтому я спросила:

— Скажите честно, фикус действительно ненадёжный или это способ удержать гостя в зале?

— Сейчас проверим.

Он шагнул за растение. Из-за редких листьев осталось видно всё: красная куртка, сапоги, колпак, собственная улыбка человека, отлично понимающего нелепость демонстрации. Я рассмеялась уже без осторожности.

— Ладно. Доказано.

Он вышел, надел бороду. Я увидела, что луч звезды на плече загнулся внутрь и царапает шею. Артём потянулся к нему, но неудобная застёжка не давалась.

— Можно? — спросила я, показывая на звезду.

Он наклонился чуть ближе.

Я поправила плотную бумагу. Она была тёплой возле воротника. Луч распрямился, но линия сгиба осталась.

— На сезон хватит, — сказала я.

— Очень профессиональное заключение.

— Я бухгалтер. У нас большинство заключений про то, насколько ещё хватит.

Он удержал мой взгляд на секунду дольше, чем требовалось для шутки, и тут же отступил.

— Спасибо. Я скоро закончу.

Я не знала, было ли это приглашением дождаться. Разбираться при полном освещении и громкой музыке оказалось бы слишком смело. Он пошёл к детям, а я вернулась за стол.

— Хороший мальчик, — заметила Нина, проследив за мной взглядом.

Меня неожиданно кольнуло это слово.

— Кажется, у него сегодня трудный вечер.

— Почему? Все довольны. Борис даже в конкурсе участвовал.

Борис показал шоколадную медаль.

Я сделала маленький глоток и больше бокал не трогала. В голове было легко, но не настолько, чтобы перестать понимать свои действия. Наоборот, я слишком хорошо замечала, как ищу глазами красный костюм в разных концах зала.

Артём успевал держать внимание сразу нескольких групп. Одному ребёнку позволил не выходить к ёлке, другой девочке нашёл место рядом с мамой. Когда двое гостей стали перекрикивать ведущего, он предложил им объявить следующий танец. Я видела работу там, где раньше заметила бы только обаяние.

К десяти часам я устала от музыки. Попрощалась с Ниной и Борисом, сняла зелёный браслет. На запястье осталась тонкая влажная полоска. Я пошла в сторону лестницы, но в холле остановилась. Подниматься в номер пока не хотелось.

За стеклянной дверью гостиной горел камин. Настоящий или электрический, с первого взгляда было не разобрать. Я вошла, выбрала кресло и положила ладони на подлокотники. В комнате сидела пожилая женщина с вязанием. На столике стоял чайник и корзинка с пакетиками чая. Снаружи снег летел косо, цепляясь за чёрные оконные рамы.

Женщина спросила, не мешает ли свет над её креслом. Я ответила, что нет. Минут через пятнадцать она свернула вязание и ушла, пожелав мне спокойной ночи.

Я достала телефон. От Марины было три сообщения: вопрос о еде, фотография сердитого такса и краткое «Ты там жива?».

«Жива. Познакомилась с Сантой».

Ответ пришёл почти сразу: «Документы проверила?»

Я фыркнула. Написала: «Он на работе». Потом стёрла следующую фразу: «Поэтому не считается». Мне не понравилось, как быстро я сама находила способ отменить хорошую часть вечера.

Дверь открылась. Артём стоял на пороге в тёмных брюках и обычном свитере. Красную куртку он перекинул через руку, колпак сунул в карман. Бороды больше не было. С лица исчезло выражение готовности развлекать зал, и он выглядел немного уставшим.

— Здесь можно сесть? — спросил он.

Я показала на соседнее кресло. Оно было пустым, и этого вполне хватало для ответа.

Глава 3. До первого автобуса

Он повесил куртку на спинку дальнего стула, сходил к столику с чайником и поднял пустую чашку.

— Вам принести?

— Я ещё не выбирала.

— Тогда можете выбирать долго. Тут девять сортов одного и того же чёрного чая. И чабрец.

— Чабрец.

Артём поставил чашку передо мной, устроился в соседнем кресле. Камин оказался настоящим: в глубине с тихим щелчком осело полено. За стеклом прошла сотрудница с лопатой, посмотрела на снег и ушла, видимо, за более серьёзным инструментом.

— У вас это тоже рабочее время? — спросила я.

Он поднял глаза от чая.

— Что именно?

— Сидеть с гостями. Вдруг вы обязаны.

— Нет. Смену закончил, микрофон сдал. Могу показать совершенно свободный карман.

Он вывернул карман свитера. Оттуда выпала бумажная звезда.

Я узнала погнутый луч.

— Значит, всё-таки пострадала.

— Липучка сдалась. Я решил не испытывать её перед следующим выходом.

Он разгладил звезду на колене и убрал обратно. Чашку держал левой рукой. На среднем пальце возле ногтя виднелась чёрная полоска краски.

— Я Елена, — сказала я. — На всякий случай. Вдруг вам запрещено запоминать гостей с зелёными браслетами.

— Артём. И браслеты мы снимаем с контроля после десяти.

— Какая удача.

Снова пришла женщина с лопатой, теперь вместе с мужчиной в оранжевом жилете. Они стали расчищать край дорожки. Я смотрела, как снег немедленно затягивает свежую тёмную полосу.

Артём заметил мой взгляд.

— До утра так обещают. Но к завтраку всё расчистят. У нас водитель любит рассказывать, что зима существует исключительно для проверки его машины.

— А вы до утра здесь?

— Я живу в служебном корпусе. До восьмого января. Потом домой, в Тверь.

Оказалось, что город у нас общий. Это немного изменило расстояние между креслами. До той минуты он принадлежал гостиничной программе, я — своей путёвке. Теперь у нас обнаружились одинаковые автобусные остановки и знакомая булочная возле площади.

Я рассказала про мебельную фирму, в которой работала. Он — про декабрьские заказы: детские праздники, один корпоратив со сломанной колонкой, два спектакля, в которых пришлось заменить заболевшего актёра. Ничего особенно героического. Во время рассказа он всё время помнил о тех, кто работал рядом: кто дал машину, кто выучил текст, кто целый вечер держал лампу, потому что стойка не выдержала.

— В костюмах не жарко? — спросила я.

— В некоторых ещё и холодно. Это особое театральное умение — вспотеть и замёрзнуть одновременно.

Я рассмеялась. Артём поставил чашку и потянул ворот свитера, будто проверяя, не осталось ли там бороды.

— Мне двадцать восемь, — вдруг сказал он. — Вы уже несколько раз посмотрели так, словно собираетесь попросить дневник.

Я почувствовала, как нагрелись уши.

— Правда? Простите. Не собиралась.

— Я понимаю. Меня на работе мама одного мальчика сегодня спросила, не мешает ли подработка сессии.

— А мешает?

— Уже шесть лет не мешает.

Мне пришлось улыбнуться и признаться:

— Мне тридцать девять.

Он кивнул без паузы и без утешительных комплиментов. Просто принял цифру к сведению.

— У вас получилось купить шуруповёрт раньше меня. Я свой всё ещё одалживаю у Дениса.

Я посмотрела на него внимательнее. В жёлтом свете у его глаз проступали мелкие складки, которых я не заметила в зале. Мне стало неловко за собственное желание быстро понять, к какой категории относится сидящий рядом человек.

В гостиную вошёл официант, собрал оставленные стаканы, спросил, не нужен ли кипяток. Артём попросил целый чайник. Я могла бы уйти вместе с официантом. Уже достаточно посидела, получила приятный вечер, даже немного выговорилась. Вместо этого сняла шарф, который зачем-то всё ещё держала на шее.

— Давайте без «вы», — предложила я.

— Давай.

Оно оказалось легче, чем я ожидала.

Мы поговорили о городе. О том, почему в маленьких кафе так часто слишком большие меню. О человеке, который всегда торгует носками на одном и том же углу. О том, что я люблю готовить суп, но не люблю потом есть его четыре дня подряд. Он сказал, что иногда покупает продукты по времени их приготовления: всё, что дольше двадцати минут, требует отдельного выходного.

В какой-то момент выяснилось, что я рассказываю, как выбирала новую съёмную квартиру. Тогда я обошла семь вариантов и остановилась на самом обыкновенном: светлая кухня, приличный кран, окно во двор.

— Почему именно она? — спросил он.

— Дверь в ванную закрывалась нормально.

Артём подождал, не засмеюсь ли я.

— В старой квартире она разбухла снизу. Игорь всё собирался исправить. Я привыкла приподнимать её, когда закрываешь. А тут взяла ручку — и готово. Такая глупость.

— Ты хотела, чтобы что-нибудь просто работало.

Я посмотрела на него. Он не пытался придать словам особую значительность, просто сидел, обхватив чашку ладонями.

— Наверное.

Рассказывать о разводе больше не хотелось. И не требовалось: Артём не задал ни одного вопроса о том, кто виноват. Я впервые заметила, как много времени обычно тратила на подготовку оправданий, даже когда никто их не просил.

Телефон показывал половину первого. Я отправила маме короткое сообщение: «Поужинала. Всё хорошо. Спокойной ночи». Марине писать не стала — она обязательно потребовала бы подробностей, а у меня пока не было для происходящего подходящего названия.

Артём заметил зевок, который я попыталась спрятать.

— Могу проводить до лестницы.

— Я ещё посижу. Если тебе не надо идти.

— Мне никуда не надо.

Он сказал это просто. Я перестала отслеживать, не задерживаю ли его, и стала слушать.

Когда речь зашла о занятиях, я упомянула керамику. Оказалось, он представлял гончарный круг примерно так же, как я ещё недавно представляла его работу: красивое движение и немедленный результат.

— Там сперва долго выходит криво, — объяснила я. — Потом чуть ровнее. Потом вещь трескается в сушке, и ты понимаешь, что рано обрадовалась.

— Звучит знакомо.

— У актёров тоже трескается?

— В основном на прогоне перед теми, кому очень хочется понравиться.

Мы обсуждали мою зелёную чашку. Я зачем-то открыла телефон и показала фотографию. Он увеличил ручку двумя пальцами, спросил, как я прикрепляла её к стенке. Вопрос был такой конкретный, что я пустилась в объяснения про подсыхание, насечки и шликер. Не уверена, что он всё понял, но ни разу не посмотрел в сторону двери.

— Ты бы могла учить, — сказал он.

— Многим кажется, что пять лет курсов автоматически дают право учить.

— А тебе?

Я хотела ответить привычное: ответственности много, помещение дорогое, времени нет. Вместо этого подумала о коллегах, которым я объясняла новый учёт остатков. О девочке на курсах, у которой наконец не отвалилась ручка после того, как я показала ей крепление.

— Я пробовала помогать новичкам. Мне нравится.

— Тогда почему ты так испугалась?

Вопрос мог бы рассердить. Но он произнёс его с любопытством, без уверенности, что знает меня лучше меня самой.

— Потому что помогать можно между делом. А за занятия надо отвечать. И платить за всё вовремя. И найти людей.

— Я хочу студию, — сказал Артём. — Театральную. Для взрослых, которые не собираются сдавать вступительные экзамены. Чтобы после работы могли прийти и не держаться за спинку стула как за спасательный круг.

Он подвигал своё кресло на несколько сантиметров, освобождая проход. Теперь сидел немного ближе, но между нами по-прежнему стоял столик с чайником.

— А сейчас?

— Сейчас есть три человека, которые спрашивают, когда начнём. И комната, которую дают по остаточному принципу. Если там собрание, мы репетируем у Дениса на кухне. У него хорошие соседи. Пока.

Я не стала сразу спрашивать про договор аренды и доход. Удержать совет оказалось труднее, чем казалось.

В два часа в гостиную заглянул ночной администратор. Добавил дров, выключил верхний свет у двери. Кресла и наши чашки остались в круге тёплой настольной лампы. В зале давно прекратилась музыка. Теперь слышались только ровный шум вентиляции и далёкий стук лопаты.

— Можно вопрос? — сказал Артём.

— Если он не про мою любимую снежинку.

— Одно желание. Такое, к которому не надо сразу придумывать объяснение.

Я откинулась на спинку. За последний год у меня накопилось столько маленьких желаний, что выбрать одно казалось почти несправедливым к остальным.

— Комнату с большим столом, — сказала я наконец. — Чтобы никто не просил убрать с него всё к ужину. Шесть человек лепят чашки. Или что-нибудь ещё. Я показываю, потом хожу между ними и смотрю, кому помочь. Из окна светло. И там можно оставить работу сохнуть.

Последняя подробность заставила меня улыбнуться. Оказывается, мне больше всего не хватало права не убирать незаконченные вещи.

— Хорошая комната, — сказал он.

— Теперь ты.

Он задумался. Дольше, чем я ожидала.

— Хочу поставить спектакль и не объяснять после него, что на самом деле я работаю вполне серьёзно.

— Кто спрашивает?

— Иногда никто. Сам объясняю заранее.

Я узнала эту привычку. Мы помолчали, и тишина почему-то оказалась добрее многих умных разговоров, в которых я участвовала раньше.

Потом он рассказал, как в детстве прятал текст роли за обоями, чтобы мать не заставляла учить уроки. Я рассказала про школьный костюм лисы, в котором у меня отвалился хвост. В три с небольшим мы снова пили чай. В четыре устроили честный перерыв: Артём отнёс посуду, я сходила в туалет и долго смотрела на себя в зеркало. Волосы примялись с одной стороны. Серьга цеплялась за воротник. Я выглядела усталой и почему-то довольной.

Уйти всё ещё было можно. Я вернулась в гостиную.

Перед рассветом разговор стал медленнее. Мы уже не старались заполнять каждую паузу. Я задремала на несколько минут, проснулась от звука заводящегося двигателя за окном. По дорожке прошли первые работники утренней смены.

— Первый автобус, — сказал Артём. — Значит, ночь официально кончилась.

Я посмотрела на часы и рассмеялась. Смех вышел хриплым от недосыпа.

— Я провела ночь с Сантой. Надо же.

— С бывшим. Костюм до вечера в отпуске.

Он встал, подал мне шарф, не касаясь плеч. У лестницы остановился.

— Спокойного утра, Лена.

Я хотела ответить шуткой, но не нашла ни одной достаточно лёгкой.

— Спасибо за чай.

До номера дошла сама. Закрыла дверь, сняла серьги и поставила будильник на половину одиннадцатого. На столе стояла зелёная чашка. Я подвинула её ближе к окну — туда, где через несколько часов должен был появиться свет.

Глава 4. Утреннее имя

Будильник прозвенел посреди сна, в котором мне никак не удавалось отчитаться за гостиничный чай. На каждую выпитую чашку требовалась отдельная подпись. Подписывать должен был Санта, а он всё время уходил к детям.

Я выключила звук и несколько секунд смотрела на незнакомый потолок. Затем вспомнила гостиную, Артёма, первый автобус. Сон немедленно показался совершенно логичным.

Я спала меньше четырёх часов. Под глазами залегли тени, на щеке отпечатался край наволочки. Никакого внешнего сияния, положенного женщинам после необыкновенной ночи, зеркало не обнаружило. Я умылась прохладной водой и стала искать чистый свитер.

Телефон лежал возле зелёной чашки. Никаких новых сообщений от Артёма быть не могло: номера мы друг другу не дали. Вчера это казалось совсем неважным. Сегодня я поймала себя на раздражении, словно кто-то забыл оформить документ, без которого воспоминание нельзя было признать действительным.

Я написала Марине: «Позавтракать успеваю в последнюю минуту».

Она позвонила сразу.

— Ты что, проспала?

— Немного.

— Лена, я тебя знаю. Ты на море вставала в семь, чтобы успеть занять место на пустом пляже.

— Вот решила разнообразить репутацию.

Я сунула ноги в кроссовки и прижала телефон плечом, застёгивая часы. Подруга что-то сказала коллеге, на заднем плане требовательно мяукнули.

— Пять минут есть, — объявила она. — Рассказывай про Санту.

— Работает здесь. Мы разговаривали.

— И?

— Всё.

Марина немного помолчала. Я успела выйти из номера и проверить замок.

— Тебе понравилось?

Это оказалось гораздо более трудным вопросом, чем я ожидала.

— Да.

— Ну и хорошо.

— Он младше меня.

— Ему паспорт хотя бы выдали?

— Двадцать восемь, Марин.

— Тогда я оставляю тебя в покое. Только выспись. У тебя от недосыпа даже хорошее превращается в нарушение графика.

Она попрощалась, потому что на приём принесли кролика без переноски. Я спустилась в столовую с внезапным ощущением, что подруга легкомысленно отнеслась к важному обстоятельству. А ещё — что именно такое отношение мне и требовалось.

На завтраке убирали пустые блюда. Я успела взять омлет, хлеб и кофе. Официантка предложила донести чистую вилку. Я поблагодарила так горячо, что она, вероятно, решила, будто спасла мне утро.

Нина с Борисом уже уходили. Нина остановилась возле моего столика.

— Как вечер закончился? Мы вас потом не нашли.

— Сидела в гостиной.

— Там хорошо. Я вчера не пошла, потому что Борис решил показать характер и выиграть в лото.

— Выиграл?

— Карандаш. Теперь приходится носить в кармане, чтобы никто не забыл.

Она пожелала мне приятного аппетита и догнала мужа. Никакого тайного знания на её лице не было. Я одна умела приписать окружающим интерес к событию, о котором они даже не подозревали.

Ела я медленно. У окна сидели две девочки с одинаковыми косичками и делили последний сырник. Мужчина рядом читал новости, не пытаясь разрешить спор. От сырника время от времени отщипывали ещё кусочек, так что предмет разногласий постепенно исчезал сам.

Я вспомнила, как вчера Артём слушал мой рассказ про дверь ванной. Наутро эта подробность казалась почти неприличной. Можно говорить о разводе общими словами, перечислять даты, соглашаться, что так бывает. А рассказать, как приподнимала разбухшую дверь, — значит показать человеку кусочек своей жизни, который невозможно потом сделать более красивым.

Я пила кофе и пыталась решить, что именно меня смущает. Не то, что он знал. То, что мне хотелось знать, как он проснулся сегодня.

После завтрака я подошла к стойке администратора. Ольга искала кому-то свободное время для массажа. Я дождалась, пока она закончит, и спросила про бассейн.

— В половине двенадцатого есть место, — сказала она. — Записать?

Раньше я бы записалась: свободное место имелось, значит, его следовало использовать. Сейчас одна мысль о прохладной воде и раздевалке утомляла.

— Нет, спасибо. Я позже решу.

Она спокойно отложила ручку. Никто не пострадал из-за моего упущенного бассейна.

Возле лифта стояла Лиза с охапкой лент. Узнав меня, она улыбнулась.

— Вы вчера звезду поправляли? Артём утром искал скотч. Говорит, надо укреплять материальную часть.

— С бумагой это ненадолго.

— Мы уже поняли. Она третий раз отваливается.

Лиза удержала сползающую ленту подбородком. Я помогла ей поднять упавший конец, и мы разошлись. То, что Артём существовал ещё и в чужих рабочих разговорах, делало его неожиданно реальным. У него были коллеги, дела, какие-то привычки, о которых я ничего не знала.

Я поднялась в номер. На столе лежала глина. Достала пакет, отломила маленький кусок, попробовала размять. Материал был плотнее привычной студийной массы, быстро согревался в ладонях. Я хотела сделать небольшую подставку под чайный пакетик, но пальцы сначала не слушались. После ночи в кресле слегка болела шея.

Я всё-таки легла. Поставила второй будильник, уже без притязаний на правильный отдых, и проспала ещё сорок минут.

Когда проснулась, снег за окном почти прекратился. На стекле ползла тонкая тень от сосновой ветки. Я сделала чай, села за стол и вернулась к маленькой подставке. Теперь край получился ровнее. В центре я наметила неровную звезду деревянной палочкой из гостиничного набора для кофе.

Подумала, что это слишком очевидно, и разгладила рисунок большим пальцем.

В дверь постучали. Горничная спросила, нужна ли уборка. Я попросила только пакет для мусора, потом всё же впустила её, чтобы она забрала мокрые полотенца. Женщина увидела глину и оживилась:

— Вы лепите? У нас внучка такое любит. Только после неё весь стол белый.

— После меня тоже.

Она рассмеялась, поменяла полотенца и ушла. Я вытерла стол. Подставку оставила на подоконнике подальше от прямого тепла, как советовала инструкция на упаковке. Порази-

тельно, сколько спокойствия могло содержаться в простой вещи, для которой надо было всего лишь подождать.

В час я спустилась за новой бутылкой воды. У стойки был другой администратор. В холле играла негромкая музыка, в углу кто-то выбирал настольную игру. Артём сидел у окна с блокнотом и тарелкой яблочных долек.

Я узнала его раньше, чем он меня заметил. Серый свитер, тёмные джинсы, ещё влажные после душа волосы. Он хмурился над страницей и что-то зачёркивал левой рукой. Я могла пройти к автомату, купить воду и вернуться наверх. Это было бы естественно. Мы ведь не договаривались, что утро обязывает нас к продолжению.

Он поднял голову.

— Привет.

И я немедленно обрадовалась так сильно, что вся подготовленная естественность пропала.

— Привет. Я не мешаю?

— Ты уже спрашивала. В другой формулировке.

Я села на край соседнего кресла.

— Получается, мне требуется письменное подтверждение.

Он протянул блокнот. На странице было написано крупными буквами «РЕЗЕРВ», дальше шёл список каких-то реплик, непонятных вне происходящего.

— Могу вписать между запасными вариантами. Но документ выглядит несерьёзно.

— Что это?

— Если дети не захотят участвовать. Или взрослых окажется больше, чем детей. Или будет дождь.

Я посмотрела в окно на высокие сугробы.

— Дождь?

— План полезно иметь даже на маловероятный случай.

Пожалуй, эта мысль могла нас подружить и без ночного разговора.

Он предложил яблоко. Я отказалась, потом взяла дольку. Она была кислой, с тонкой зелёной кожицей. Несколько секунд мы просто жевали, и от этой обыкновенности у меня перестали гореть щёки.

— Выспалась? — спросил он.

— Не совсем. Но уже узнаю предметы.

— Значит, утро удалось. Я собирался пройтись до озера. До четырёх свободен. Пойдёшь?

— Как часть программы?

Вопрос вырвался сам, и я сразу услышала, как он звучит. Артём закрыл блокнот.

— Просто пройтись. Со мной.

Он сказал это без обиды. Отступать стало труднее, потому что для отказа пришлось бы придумать настоящее нежелание. А его у меня не было.

— Пойду. Только за курткой поднимусь.

— Я здесь.

В лифте я увидела своё отражение в металлической двери. Женщина в обычном свитере. Тридцать девять лет, недосып, прилипшая к пальцу глина. Ничего такого, из-за чего следовало отказываться от прогулки.

Я надела куртку, поменяла тонкие носки на тёплые. На телефоне всплыло рабочее письмо с темой «После праздников». Открывать его не стала. До праздников ещё оставалось время, и внизу меня ждал человек, который просто хотел пройтись со мной до озера.

Глава 5. Глина на ладонях

На крыльце Артём остановился, дожидаясь, пока я натяну варежки. Я успела заметить, как он машинально повернул табличку с расписанием: ветер почти развернул её к стене. Делал он это без служебной улыбки, на ходу. Мне нравились такие движения, хотя я ещё не знала, стоит ли превращать каждое наблюдение в основание для симпатии.

Снег после ночи был тяжёлым. Возле дорожки стояли две лопаты, на перилах осталось несколько островков неубранного белого. Мы пошли к озеру.

— Ты знаешь, где тут короче? — спросила я.

— Короткая дорога ведёт к хозяйственному двору. Зато там очень деятельная собака.

— Мне, пожалуй, озеро.

— Тогда направо.

Он шёл рядом, не пытаясь вести меня за локоть. Когда я поскользнулась на плотном снегу, просто выставил ладонь. Я ухватилась за неё, выровнялась и отпустила. На ладони ещё несколько шагов сохранялось ощущение его перчатки.

За деревьями открылся широкий белый берег. Под береговым откосом стояли занесённые лодки. Артём показал на самую маленькую.

— Летом я здесь пробовал изображать морского разбойника. Выяснилось, что страшнее всего выглядит человек, который не умеет уверенно встать в лодке.

— Тоже работал?

— Два выходных. Лиза позвала на замену. Потом уже на декабрь договорились.

Он рассказал про летнюю программу, в которой родители проявляли больше азарта, чем дети. Я слушала, стараясь не шагать по утоптанному краю тропы: там было скользко. Артём постепенно подстроился под мой темп. Ни разу не предложил идти медленнее, просто оказался рядом.

— Ты всегда этим занимался?

— В разном виде. После учёбы успел поработать в театре, потом театр решил экономить на всех, кто ещё не научился требовать вовремя. Сейчас праздники, маленькие постановки, озвучка бывает. Иногда кажется, что у меня шесть работ. Если сложить доходы — одна.

— А родители?

— Мама привыкла. Раньше говорила, что с моим голосом можно найти место поспокойнее. В справочной, например.

Он произнёс это без раздражения. Моя мама, наверное, тоже предпочла бы справочную. В ней хотя бы было ясно, когда человек приходит на работу.

Мы дошли до скамейки под навесом. Артём смёл снег с края рукавицей. Садиться я не захотела, поставила на доску одну ногу и поправила язык ботинка.

— Ты хотела сюда одна? — спросил он.

— Сначала хотелось вообще никуда не ехать. Потом решила проверить, как мне будет без привычного окружения.

— И как?

— Пока много собираюсь с силами для совершенно обычных вещей. Ужин, например. Можно подумать, я должна выступить перед залом.

— Ты вчера выступила неплохо.

— Это было у подоконника и на одного слушателя.

— Иногда так сложнее.

Он не стал развивать мысль, а я была благодарна. Вчерашняя близость ещё нуждалась в свободном пространстве. Стоило начать подробно объяснять её при свете дня — и всё могло стать неловким.

Я рассказала про свою квартиру и маленький стол у окна, на котором пока не помещалась работа целиком. На курсах можно было оставлять изделия на полке. Дома приходилось переносить их с кухни в комнату и обратно.

— А здесь что-нибудь сделала? — спросил Артём.

— Подставку под чайный пакетик. Из той глины, которую не надо обжигать.

— Ты и глину с собой возишь?

— Люди берут лыжи. У каждого свои трудности с багажом.

Он рассмеялся и поднял руки, признавая справедливость ответа.

На обратной дороге мы встретили мужчину с длинноногой чёрной собакой. Пёс явно считал, что ширины дорожки хватит всем, и протиснулся между нами. Я отступила к сугробу. Артём удержал меня за рукав, пока хозяин не отозвал животное.

— Деятельная? — спросила я.

— Другая. Та ещё и распоряжается.

Мне было легко смеяться рядом с ним. Это пугало меньше, чем я ожидала. Труднее оказалось идти через холл, где нас могли увидеть знакомые со вчерашнего вечера. Я заметила Нину у автомата с кофе и сразу выпрямилась, будто у нас была назначена строгая деловая встреча.

Нина махнула рукой. Я помахала в ответ. Никто не потребовал объяснить прогулку.

Артём задержался возле стойки, потому что Ольга позвала его по имени.

— Ты не знаешь, у Павла есть запасной вариант на завтра? По мастер-классу.

— Что случилось?

— Ведущая не приезжает. У них отменился междугородний рейс, а машину найти не может. До послезавтра никак. Я могу заменить на открытки, но люди уже спрашивали про глину.

Ольга держала перед собой расписание. На тридцатое декабря в три часа было записано занятие с керамистом. Чуть ниже — семейная эстафета и репетиция для желающих.

Я стояла в расстёгнутой куртке и смотрела на эту строку. Очень хорошо помнила чувство, с которым оплатила путёвку: пусть хотя бы неделю от меня ничего не зависит. Сейчас в голове уже складывался список материалов.

— Что там собирались лепить? — спросила я.

Ольга обернулась.

— Подвески. Декоративные домики, кажется. Она работала с массой для сушки на воздухе. Мы не можем здесь обжиг организовать.

— Да, с обычной глиной не стоит. Её потом ещё везти, сушить, обжигать. А с такой можно. Только не посуду.

Ольга посмотрела на меня с надеждой. Я узнала этот взгляд раньше, чем она задала следующий вопрос.

— Вы занимаетесь?

Я могла бы ответить короткое «для себя» и уйти. Артём молчал. Не рекомендовал меня, не рассказывал за меня о вчерашней чашке. Ждал, что я скажу сама.

— Пять лет. Вела небольшие занятия для знакомых на курсах, помогала преподавателю. Если группа маленькая, могу показать простую декоративную вещь. Но мне надо сначала понять условия.

Мы перешли в небольшой кабинет за стойкой. Я сняла куртку, Ольга открыла расписание регистрации, Артём остался у двери, пока я не кивнула на стул.

В кабинете оказалось слишком жарко. На батарее сушились чьи-то перчатки, пахло кофе из бумажного стакана. Мне было странно сидеть там в качестве человека, с которым договариваются о работе. Я ещё утром сомневалась, имею ли право просто пригласить себя на прогулку.

— Мест было двенадцать, — сказала Ольга.

— Человек или семей?

Она проверила.

— Взрослые с детьми. Записывали по фамилии.

Я попросила показать столы. Ольга привела нас в комнату возле большого зала. Столы можно было сдвинуть, но удобно сесть получалось только с двух сторон. Рядом находилась раковина, на стене висела доска для объявлений.

— Шесть рабочих мест, — сказала я. — На каждом взрослый с ребёнком или один взрослый. Один набор и одна общая работа. Иначе я просто не успею помочь всем.

Ольга прикинула что-то в телефоне.

— Некоторые записывались предварительно. Можно уточнить и оставить шесть.

— Лучше сразу написать на объявлении. И возраст детей — чтобы взрослый действительно помогал.

Собственный голос звучал спокойно. Я смотрела на стол и видела конкретные задачи: покрыть поверхность, приготовить дощечки, положить рядом влажную ткань. Там, где десять минут назад была тревога, появлялась работа.

Мы решили делать звёзды-подвески и небольшие основания для светодиодных свечей. Не для настоящего огня: неизвестно, как поведёт себя покрытие, да и торопить сушку нельзя. Я показала размер на ладони. Одну основную вещь на рабочее место, обрезки можно использовать для маленького украшения.

— У меня немного массы есть, — сказала я. — Для пробы. На группу не хватит. Потребуется докупить килограмма три с запасом. Ещё доски или пластиковые коврики, скалки, палочки, формочки. Без покупных штампов обойдёмся.

— Завтра утром машина в город пойдёт, — сказала Ольга. — Водитель заберёт заказ.

Я нашла в телефоне магазин товаров для творчества. Позвонила, уточнила наличие нужной массы, договорилась, что отель оформит заказ на своё имя. Сотрудница попросила прислать список. Я записала его на обратной стороне ненужного рекламного листка. Руки слегка дрожали, пока набирала сообщение.

Когда с материалами разобрались, Ольга назвала оплату: четыре с половиной тысячи за занятие и подготовку. Расходники отель покупал отдельно. Предложила оформить разовый договор и попросила зайти с документами после обеда.

Я неожиданно обнаружила, что мысленно уже согласилась провести всё бесплатно. От смущения. От того, что это будто бы возникло само собой.

— Условия подходят, — сказала я, прежде чем успела извиниться за деньги. — Только уборку после давайте тоже распределим заранее. Я останусь помогать, но переносить мокрые работы лучше вдвоём.

— Уборку организуем, — ответила Ольга. — С работами Артём поможет, если по времени успеет.

Он посмотрел на расписание.

— У меня потом репетиция, но полчаса есть. Доски подготовлю сегодня.

Меня порадовало, что он сначала проверил своё время. Ни один из нас не должен был делать вид, будто вся жизнь освобождается ради одной встречи.

В холле Артём остановился возле ёлки.

— Ты сейчас очень быстро всё решила.

— Это ещё не всё. Я могу завтра обнаружить, что не умею говорить с шестью семьями одновременно.

— Умеешь останавливаться, когда надо уточнить. Это помогает.

Я застегнула куртку на руке. После прогулки мы так и не пообедали, но голод теперь ощущался совсем иначе: в нём было что-то деятельное.

— Ты правда свободен ещё час? — спросила я.

— Да.

— Тогда пойдём поедим. Я, кажется, только что согласилась на свой первый настоящий урок. Мне требуется человек, который не даст сразу придумать двенадцать причин всё отменить.

— С двенадцатью не справлюсь. С шестью попробую.

Я толкнула его плечом совсем легко, прежде чем успела обдумать это движение. Он улыбнулся и пропустил меня к двери столовой.

Глава 6. Правила маленького праздника

Утром тридцатого декабря я проснулась до будильника. В этот раз выспалась и сразу вспомнила, зачем на столе лежат шесть листов с нарисованными звёздами. Вчера после ужина я решила сделать шаблоны. Из пяти вариантов выбрала самый простой, но зачем-то сохранила остальные четыре: вдруг более сложная звезда понадобится людям, которые придут лепить впервые.

Я посмотрела на бумагу и убрала лишнее в ящик.

На завтраке съела кашу, пока она не остыла. Это уже было достижением. Когда я нервничала перед рабочими задачами, легко могла два часа ходить с чашкой по офису, считая, что всё ещё завтракаю.

Ольга подошла с телефоном.

— Материалы забрали. Водитель будет через сорок минут. Заявки подтвердила, шесть мест. Две сестры спросили, можно ли им без детей.

Я выдохнула медленно, чтобы ответить без испуга.

— Конечно. Каждой отдельное место. Я ведь и для взрослых собиралась.

— Я так и ответила. Обе записались.

— Тогда всё хорошо.

Администратор допила свой кофе стоя. До меня наконец дошло, что она тоже пытается избежать неприятных неожиданностей. Я не была единственным человеком в отеле, которому хотелось, чтобы день прошёл нормально.

В комнате для занятий Артём расставлял стулья. На столах лежали ровно нарезанные пластиковые коврики. Возле раковины стояло ведро, рядом — стопка бумажных полотенец. Он поднял голову, когда я вошла.

— Доброе утро. Я нашёл шесть досок и одну очень подозрительную. Решил её не использовать.

Подозрительная оказалась старой разделочной доской с запахом копчёной рыбы. Я понюхала и согласилась с решением.

— Если понадобится седьмая, лучше возьмём поднос.

— Понял. Рыбная звезда из программы выбывает.

Я улыбнулась. Увидела, что на спинке одного стула висит его шарф, а под столом стоят обычные кроссовки. В помещении было тепло, он переобулся. Эта маленькая бытовая подробность почему-то снова напомнила, что передо мной живой человек, а не особенно удачно устроенное праздничное знакомство.

Мы сдвинули столы так, чтобы оставался проход к раковине. Артём предложил дать участникам сесть полукругом.

— Тогда я не смогу подойти к середине, — сказала я. — Давайте лучше два ряда по три места.

Он молча передвинул один стол. Я попробовала пройти между ним и стеной. Места хватало, если никто не отодвинет стул слишком далеко. Мы отступили ещё на ладонь.

Водитель привёз пакет с материалами. Масса оказалась той марки, которую я просила, и я почувствовала такую благодарность, будто он доставил редкое лекарство. Помимо заказанного Ольга купила несколько фартуков: простых, без надписей. Я развернула один, примерила поверх свитера.

— Подходит, — сказал Артём.

— Я спрашивала не вслух.

— У тебя было очень убедительное выражение лица.

Я отвела глаза к завязкам. Он подошёл, но не стал сразу затягивать их у меня за спиной.

— Помочь?

— Да, пожалуйста. Только не туго.

Его пальцы на секунду коснулись края свитера. Я стояла, глядя на стопку ковриков, и вдруг потеряла нить того, что собиралась сказать про сушку. Он завязал обычный бант и отступил.

— Так удобно?

Я попробовала поднять руки.

— Да.

Вроде бы ничего не произошло. Однако следующие несколько минут я тщательно разрезала упаковку по сгибу, хотя она прекрасно открывалась сверху.

Сначала мы сделали пробу. Я отщипнула кусочек массы, раскатала его между двумя деревянными палочками, чтобы толщина везде получилась примерно одинаковой. Положила шаблон, обвела. Артём стоял рядом и следил за руками.

— Теперь нужно сгладить край. Воды совсем немного.

Он намочил палец и снял слишком большой кусок с одного луча.

— Всё испортил.

— Нет. Прижми вот здесь. Мягко.

Я показала на соседнем участке, не беря его руку в свою. Он попробовал ещё раз. Луч получился короче других, но уже не выглядел обломанным.

— Можно оставить таким, — сказала я. — Или переделать. Пока масса мягкая, есть выбор.

— Оставлю. У него убедительная биография.

Я невольно рассмеялась. Пробную звезду положили на доску, подписали снизу бумажку. Артём вывел имя левой рукой и нарисовал рядом стрелку, чтобы никто не решил, будто короткий луч получился у образца.

Пока я готовила порции, он достал из шкафа небольшую колонку.

— Музыку включим?

— Тихо. Мне самой надо слышать, что люди спрашивают.

Он выбрал что-то спокойное, без торжественного колокольного звона. Я разложила палочки и влажные салфетки. Потом переложила палочки на другую сторону. Потом поймала себя за руку и заставила отойти от стола.

— Ты уже сделала всё, что можно, — заметил Артём.

— Я ещё не пробовала объяснение вслух.

— Давай. Я буду человеком, который впервые видит глину.

— Ты почти он и есть.

— Прекрасно. Подготовка к роли закончена.

Я встала у демонстрационного места. Начала с длинной фразы про материал и условия работы. На третьем предложении Артём поднял руку.

— А мы когда трогать будем?

Я остановилась. Он посмотрел на меня с совершенно серьёзным ожиданием.

— Прямо сейчас, — сказала я и подвинула к нему кусок массы.

Второй раз я начала иначе: предложила каждому размять маленький кусочек и проверить, как он меняется от тепла. Слова сразу стали короче. Мне больше не требовалось объяснять всё до первого движения.

До обеда оставалось полчаса. Мы подписали конверты для высохших работ и отнесли запас материалов в шкаф. Ольга согласовала место на полке в соседней комнате, где изделия могли спокойно лежать несколько дней. У батареи сушить их не собирались. Я попросила не накрывать работы слишком плотно и предупредить гостей, что забрать их сразу после занятия не получится.

Потом я заметила у двери листок, который Артём приготовил для программы. Под временем занятия он написал: «Подходите, попробуем вместе».

— Лучше убрать, — сказала я.

— Почему?

— Похоже, что можно прийти любому. А места заняты.

Он подошёл, посмотрел на объявление.

— Я думал, кто-то постоит, посмотрит. Если будет интересно, рядом сядет.

У меня внутри немедленно сжалось всё, что утром удалось расправить.

— Рядом некуда. И материалов на всех нет.

— Ну, на маленькую звезду хватит. Я помогу.

— Артём, ты только что сам первый раз вырезал звезду.

Сказала я резче, чем хотела. Он перестал улыбаться. В комнате стало слышно, как колонка тихо шипит между композициями.

— Я не собирался проводить занятие вместо тебя.

— Знаю. Просто если придёт двенадцать человек, отвечать всё равно мне.

— Можно же сказать, что мест нет.

— Когда уже пообещали «попробуем вместе»?

Мы смотрели на один и тот же листок и, кажется, видели совсем разные неприятности. Он — пустое место возле хорошего занятия, которое жалко не предложить гостю. Я — людей у дверей, которым придётся отказать после его приветливой фразы.

Я сняла фартук и положила его на стул. Очень хотелось уйти в номер, переписать весь план и вернуться уже полностью защищённой от чужой импровизации. Но это было бы слишком похоже на многие разговоры с Игорем: я решала всё заранее, потом обижалась, что меня никто не понял.

— Мне страшно, — сказала я. — Первый урок, незнакомые люди. Мне нужен понятный предел. Не потому, что я хочу всеми командовать.

Артём опёрся ладонями о спинку стула.

— Я услышал только, что могу помочь. Не спросил, как. Это моя привычка.

Я выдохнула.

— А я ответила так, будто ты уже привёл толпу.

Он кивнул на объявление.

— Напишем, что по записи. Желающим посмотреть тоже можно отказать или пусть смотрят от двери. Без обещания сесть.

— Посмотреть можно. Главное, чтобы они понимали.

Мы вместе переписали нижнюю строку. «Шесть рабочих мест. Участие по предварительной записи». Выглядело менее празднично, зато перестало меня пугать.

— Теперь ещё одна просьба, — сказала я. — Если ребёнок начнёт скучать, помоги ему подождать, пока я закончу с другими. С этим у меня хуже, чем с глиной.

— Вот это могу.

Я посмотрела на него и снова увидела человека, присевшего возле потерянной варежки. Сразу стало обидно, что я успела задеть его там, где он действительно умел больше меня.

Мы пообедали быстро. После еды Артём ушёл на короткое рабочее совещание, а я вернулась в номер. Сидела на кровати в фартуке, который забыла снять, и отвечала Марине.

«Сегодня веду мастер-класс».

Она позвонила через минуту.

— Тебя же отдыхать отправили.

— За деньги, Марин. Всё согласовано.

— Тогда понятно. А хочешь?

Я посмотрела на ладони. Под ногтями снова белело.

— Да. Очень.

Подруга пожелала удачи, не добавив ни одного совета. Я была благодарна ей больше, чем смогла сказать.

Без десяти три я проверила столы последний раз. Пробная звезда уже держала форму, но ещё была мягкой. В раковине имелась вода, на полке — шесть подписанных мест. Артём вернулся и поставил возле моего стола стакан.

— Чтобы не объяснять полтора часа с сухим горлом.

Я поблагодарила. Он посмотрел на закрытую дверь.

— Готова?

— Нет. Открывай.

За дверью стояли две женщины, одна в бордовом кардигане, другая в светлом джемпере. Они вполголоса обсуждали, что стоит снять заранее, чтобы не испачкать. Я увидела у первой сложенные в ладони очки и неожиданно перестала думать о том, как буду выглядеть сама.

— Здравствуйте, — сказала я. — Проходите. Выберите место, где вам будет удобно работать.

Глава 7. Шесть неровных звёзд

Пока первые участницы выбирали места, я обнаружила у себя на рукаве серую полосу. Попыталась стереть её салфеткой и получила полосу вдвое шире. Артём, расставлявший стулья по другую сторону стола, молча протянул мне влажное полотенце.

— Теперь можно говорить, что всё под контролем, — сказала я.

— Можно. Только рукав не показывай.

Женщина в бордовом кардигане сразу спросила, куда положить вещи, чтобы ничего не испачкать. Её спутница, очень на неё похожая, объявила, что ради того и пришла — испачкаться. В листе записи они значились как Алла Ивановна и Зоя Ивановна. Обе положили очки на край стола; я сразу передвинула к ним чистую коробку, куда можно было убрать вещи.

Потом появилась Ася с сыном Мишей, который нёс в обеих руках кружку с какао, и Антон с дочерью Катей. Два последних места заняли Вика и Вадим — молодая пара, которую я видела за завтраком. Вадим сразу предупредил, что руки у него растут из места, не предусмотренного для творчества.

— Тогда сегодня выясним, чем это место отличается от обычного, — сказала я и сама удивилась, что никто не заметил, как у меня дрожал голос.

Артём поставил отдельный низкий столик для чашек. Миша возмутился, что какао слишком далеко, но послушно перенёс его. Родители с детьми расположились по двое на рабочее место. Шесть ковриков, шесть небольших кусков глины, инструменты в середине — всё выглядело гораздо серьёзнее, чем вечером в моём номере.

Я предложила выбрать подвеску или основание для маленького светодиодного фонарика. Все выбрали подвески. Тогда я взяла свой образец: чуть неровную звезду с отверстием для ленты.

— Сегодня делаем подвески. Эта глина твердеет на воздухе. В печь её ставить не нужно, зато на просушку понадобится время. Забрать работы можно будет завтра, если они достаточно подсохнут. Красить лучше позже. И ещё: это украшение. Из такой глины нельзя делать чашку, из которой вы потом будете пить.

— Даже если очень хорошая чашка получится? — спросила Катя.

— Особенно тогда. Будет жалко её испортить.

Она приняла объяснение. Её отец посмотрел на кусок глины с неожиданным уважением.

Первое же движение пошло наперекосяк. Я предложила разогреть материал ладонями, а Миша разорвал свой кусок на семь частей и выстроил их в ряд.

— У меня созвездие, — сообщил он раньше, чем мама успела его остановить.

На секунду я увидела себя со стороны: взрослая женщина с заранее расписанной последовательностью, которой восьмилетний человек предъявил собственную программу. Захотелось немедленно собрать всё в один комок.

— Посмотрим, какие звёзды тебе нужны, — сказала я. — Только совсем маленькие кусочки высохнут быстрее и могут ломаться. Сделаем основание потолще?

Миша подвинул ко мне самый большой фрагмент. Ася убрала руку, которой уже тянулась исправлять.

Слева Алла Ивановна осторожно придавила ладонью глину и огорчилась: на поверхности остался отпечаток кольца. Я показала, как загладить вмятину влажным пальцем. Она попробовала, вытерла руки и тут же оставила такую же вмятину ещё раз.

— Сниму, — вздохнула она, стягивая кольцо. — Шестьдесят лет с ним, а сегодня помеха.

— Сколько? — переспросила её сестра.

— Я про возраст кольца. Оно мамино. Не начинай.

Зоя Ивановна перестала считать лучи своей звезды и рассмеялась. Их смех помог мне наконец выдохнуть.

Артём ходил между столом и раковиной, менял воду и подавал то, что я просила. Он не устраивал из занятия представление и не пытался привлекать к себе внимание. Когда Вадим в третий раз назвал собственную работу ужасной, Артём нагнулся посмотреть.

— Похоже на знак качества, — сказал он. — У моего чайника такой был.

— Я делал снежинку.

— Значит, чайник был зимний.

Вика толкнула мужа плечом. Тот перестал защищаться заранее и попросил у меня другой инструмент.

Мне пришлось объяснять несколько вещей одновременно: почему нельзя раскатывать тоньше картонки, как поднять пласт, чтобы он не порвался, где лучше сделать отверстие. Я торопилась, чувствовала сухость во рту и слышала, что начинаю говорить слишком много. Тогда положила инструмент на стол.

— Давайте на минуту остановимся. Сейчас покажу всем один приём, а потом подойду к каждому.

Никто не обиделся и не объявил, что его отпуск испорчен минутой ожидания. Я показала, как поднимать край на широкую лопатку, и заметила, что Катя повторяет движение над своим ковриком без инструмента, просто ладонью в воздухе.

Пока я помогала Вике, Миша дотянулся до стаканчика с водой и опрокинул его. По клеёнке побежала лужа. Ася резко сказала его имя, он втянул голову в плечи, а я машинально схватила чужую работу, чтобы спасти от воды. Отверстие для ленточки растянулось.

— Всё, — прошептала Алла Ивановна, глядя на свою подвеску.

— Подождите. Сейчас посмотрим.

Артём уже прижал к луже полотенце. Я перенесла звезду на сухой участок и подложила под тонкий край немного глины. Отверстие получилось овальным. Исправить его до прежнего вида без нового повреждения было трудно.

— Можно оставить так, — предложила я. — Лента всё равно пройдёт. Или сделать луч заново. На это уйдёт минут десять.

Алла Ивановна долго смотрела на звезду.

— Оставим. Я её внучке отдам. Она спросит, почему криво, а я расскажу.

Миша сидел неподвижно, опустив руки на колени.

— Мне тоже жалко, что разлилось, — сказала я ему. — Возьми сухую салфетку, пожалуйста. Поможешь нам убрать?

Он поднялся так быстро, что стул скрипнул. Ася молча взяла ещё одну салфетку. Когда стол снова стал сухим, она тихо поблагодарила меня. Я кивнула: говорить что-то воспитательное было бы сейчас лишним.

Последние двадцать минут прошли совсем иначе. Я перестала смотреть на часы после каждого вопроса. У Кати выходила звезда с одним огромным лучом, похожая на морскую. Антон предложил укоротить его, но дочь закрыла работу ладонью.

— Она плывёт, — пояснила она.

— Тогда пускай, — согласился он.

Зоя Ивановна сделала на своей подвеске отпечаток еловой веточки. Вадим выбрал круг, а на нём выложил звезду из пяти небольших жгутиков. Вика посмотрела на это сооружение и сказала, что дома повесит его на видном месте, чтобы муж больше никогда не заявлял о своей бесполезности.

Я выдала каждому бумажную карточку. На них нужно было написать имя и номер комнаты, чтобы завтра никто не получил чужое созвездие. Артём взял ручку левой рукой, крупно написал сверху «Не трогать: сохнет» и поставил табличку на поднос.

— А если потрогать? — спросил Миша.

— Тогда добавится ещё один отпечаток пальца, — ответил Артём. — И Елене придётся выяснять, чей.

— У неё же есть наша запись, — серьёзно заметил мальчик.

Я разложила шесть работ на ровном картоне. Ничего похожего на образец среди них не оказалось. У меня даже не возникло желания поправить лучи, пока никто не видит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.